

сированной. По причине неотрефлексированности данной дихотомии в рамках философского дискурса, каждый из авторов трактует эти понятия по своему усмотрению, что иногда приводит к совершенно противоположному пониманию отношений между глобальным и локальным. По словам одного из ключевых теоретиков глобализации Р. Робертсона, в отношениях глобального и локального «одни не видят никакой оппозиционности, другие рассматривают второе как реакцию на первое... тогда как для всех остальных они вообще несовмести-

мы». Проведенный нами анализ причин и контекста формирования дихотомии показывает, что «локальное» и «глобальное» не оппозиционны, а являются неотъемлемой частью друг друга, они взаимобусловлены и взаимодополняемы. Именно вследствие изменений условий функционирования «локального» появляется «глобальное», и именно в рамках «глобального» существует на настоящий момент любое «локальное». Люди, их дома по-прежнему физически «локальны», при этом социальные практики становятся «глобальными».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации // Проблемы теоретической социологии. – 2003. – № 4. [Эл. ресурс]. – Режим доступа: http://www.soc.pu.ru/publications/pts/ivanov_3.shtml
2. Tomlison J. Globalization and Culture. – Chicago: The university of Chicago Press, Cambridge: Polity Press, 1999. – 238 p.
3. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis, 1996. – 230 p.
4. Giddens A. The consequences of modernity. – Cambridge: Polity in association with Blackwell, 1990. – 186 p.
5. Waters M. Globalization. – L. and N.Y.: Routledge, 1995. – 185 p.
6. Jones A. Dictionary of Globalization. – Cambridge: Polity, 2006. – 258 p.
7. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations. – Cambridge: Polity, 1999.
8. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity – Heterogeneity // Global Modernities / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – London: Sage, 1995. – P. 25–44.
9. Therborn G. Globalizations. Dimensions, historical waves, regional effects, normative governance // International Sociology. – 2000. – V. 15(2). – June. – P. 151–179.
10. Мазур И.И., Чумаков А.Н. Глобалистика. Энциклопедия. – М.: Диалог, 2003. – 1328 с.

Поступила 23.10.2006 г.

УДК 159.901

ОСОБЕННОСТИ И БАРЬЕРЫ НЕПОНИМАНИЯ В ПРОЦЕССАХ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ

Л.В. Шабанов

Томский государственный университет
E-mail: JcWind@yandex.ru

Рассмотрен феномен перехода смысла метафоры в адиафору. Анализ проблемы дается на примерах бытовой линии общения и в научном объяснительном поле, исходя из контекста качества человеческой деятельности в условиях, когда метафоры превращаются в малопонятную игру словами.

Метафора часто становится причиной коммуникативных барьеров. Особенно эта проблема заметна внутри гуманитарной области науки, где сегодня мы можем четко проследить оппозицию метафор, как своеобразных маркеров, обозначающих изменения качеств человеческой деятельности в условиях ускользающей социальности постоянно изменяющегося мира, и терминов категориального аппарата, которые часто довлеют над исследователями, сужая рамки описательного поля эксперимента закостенелой четкостью жестко выверенных определений. Начало III тысячелетия в российской научной среде ознаменовалось выходом в среднее научное («доцентское») звено постсоветского поколения молодых ученых, что безусловно вызвало методологиче-

ские трения между представителями «старой» и «новой» научных школ [1]. Внутри гуманитарных наук до сих пор ведутся споры, которые можно было бы условно разделить на три направления:

- **классическое**, которое рассматривает, в какой мере нужно использовать «точные» методы, повсеместное внедрение которых давно стало свершившимся фактом. Представители классической научной школы считают, что исследования возможны только по факту свершившегося феномена, даже опыт исследования формирования новых образований должен изучаться «по факту» [2];
- **неклассическое** (или постклассическое), которое допускает склонности в исследованиях та-

ких интимных сторон внутреннего мира личности, как любовь, вера, переживание и смысл жизни, т. е. неклассический подход, изучает нечто прогрессивное, живое, в процессе становления [3, 4];

- **постнеклассическое**, которое оформилось, как самостоятельный принцип научного исследования и анализа, обращающийся к переходным фазам преобразования возможностей в действительность [5].

В последние 30–35 лет идет разработка новых методологий психологического исследования, позволяющих охарактеризовать то, как человек воспринимает и представляет тот мир, в котором он живет, в какой-то степени увидеть мир его глазами, отразить себя в мире и мир в себе [6, 7]. Однако, многочисленные конкретные результаты, остаются крайне разобращенными, а существующие теоретические подходы описывают либо «человека в мире», либо «мир в человеке» [4. С. 49–64]. Сегодня, в большей мере, чем 50 лет назад, психолог «напоминает строителя, стоящего перед грудой строительных материалов и готовых блоков, но не имеющего в голове эскиза будущего грандиозного здания» [8. С. 48]. Существующая на сегодняшний день несовместимость этих подходов порождает, в частности, взаимное непонимание между психологами-исследователями и психологами-практиками, которые говорят, по сути, на разных языках.

Проблема социального самосознания и идентификации осознается в системе современного гуманитарного знания как одна из актуальнейших, и является базовой в постановке и разрешении проблем межличностного, группового, межкультурного, межкультурного диалога, в том числе и диалога культур в пределах одного этнического сообщества. Очень часто мы выходим на парадокс непонимания диалоговых коммуникаций именно в поле разных подходов, когда «страшно не то, что люди не понимают друг друга, а то, что при этом говорят они об одном и том же» (старинная немецкая поговорка). В области психологии, которая до сих пор не преодолела статуса молодой науки, на наш взгляд, проблема находится как раз в языке (понятийно-категориальном аппарате науки) — очень часто мы сталкиваемся с явным дефицитом взаимодентичных терминов и частым их замещением неким метафорическим языком. Ведь если мы возьмем за точку идентификации некое любое целое — то мы разрушим эту целостность на составляющие, относительно которых необходимо идентифицироваться. Поэтому одной из важнейших составляющих самоидентификации, на наш взгляд, является изучение самой метафоричности сознания человека и его проявления в метафоре. Человек через метафору часто не просто самовыражается, но и идентифицирует себя с тем социумом, который склонен ожидать от этого человека именно такого метафоричного (непрямого) диалога — чтобы максимально неконфликтно фасилитировать его

включение или, напротив, исключение из собственной среды.

Впрочем, в современной психологии метафора интерпретируется не только как феномен языка, но и как феномен сознания, **повседневная концептуальная реальность**, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой. Стараясь защищаться от возможных противоречий — не смотрим на предмет прямо, но работаем с его подобием [9]. Помимо этого, существенные изменения претерпели представления о детерминизме как в живой, так и в неживой природе в связи с открытием и изучением бифуркационных процессов [10, 11], характеризующих пороговое неустойчивое состояние какой-либо системы, в котором осуществляется ее переход в одно из множества допустимых устойчивых состояний, причем в какое именно — предсказать невозможно. Явление полифуркации открывает возможность непротиворечиво включить в научную картину мира специфически человеческий феномен свободы выбора, признав за ним не только субъективную [12. С. 79], но и объективную реальность. Ведь даже в неживой природе детерминизм не носит всеобщий характер, он дополняется случайностью; человек же, хоть и не может избежать детерминированности, в состоянии подчинить себе случайность [13]. Тем не менее, своеобразной болезнью современных гуманитарных наук становится подмена понятий, когда, итогом подобного действия, мы получаем вместо метафоры (греч., перенос как образное сравнение) — адиафору (греч., безразличное или малозначительное слововыражение).

В данном контексте одной из центральных точек в поле исследования, становится **проблема своеобразия языкового метафорического миромоделирования**, наиболее скрытого, в тоже время глубинного и базисного типа, и его соотношения с другими картинами мира. Сегодня внутри гуманитарно-ориентированных наук термин «картина мира» все больше и больше уходит от социального звучания к индивидуальному (личностному). Однако очень часто это особое личностное звучание остается не только оторванным от действительности, но и полностью нивелирует ее. Личность внутри социализации начинает искать свое коллективное «Я» — новое «социальное тело», но в атомизированном обществе чаще всего человек просто не может раскрыться или выйти на прямую открытую коммуникацию. Таким образом, вместо формулы адекватной социализации (объект социализации воздействия переходит в позицию активного субъекта), в транзитивном атомизированном обществе [13], мы видим этот поиск социальности как поиск некой социальной субкультурной ниши, которая рассеяна в обществе и выделяется из общественного фона только по некоторыми признаками.

Подобного рода «оторванность» возводит массу совершенно искусственных коммуникативных барьеров, в результате которых наша социализация

из адекватного включения в общество, подменяется включенностью индивида в некую аудиторию, на основе суммы его потребностей и немотивированного (часто неосознанного, бессмысленного) потребления. Значит, такая постановка проблемы требует обращения к методологическим установкам когнитивной психологии. При достаточной методологической сложности различения в структуре психологических школ именно когнитивных концепций [14. С. 90–96], мы можем отметить, что когнитивная лингвистика интерпретирует «воплощенное» мышление, обусловленное телесным, перцептивным, моторным опытом человека. В интерпретации когнитивной лингвистики мышление предстает как образная система, огромные смысловые пространства которой не являются непосредственным отражением действительности, но предстают в системе метафорических и метонимических образов. На наш взгляд, базисностью метафорического моделирования смыслов в языке в целом, его генетической первичностью в выстраивании семантики естественных языков (элементы мифологического мышления), тем, что обширные, ключевые концептосферы человека моделируются через метафорические смысловые схемы. Б.Ли Уорф, выстраивая концепцию лингвистической относительности, подчеркивал роль метафоры в процессах языкового моделирования: средством объективации многих абстрактных категорий – длительности, интенсивности, направленности и др. «Я схватываю нить рассуждений моего собеседника, но если их уровень слишком высок, мое внимание может рассеяться, потерять связь с их течением» [15. С. 151]. «Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке. Об этом важно помнить, если мы хотим совершенствовать теорию метафоры. Нашим методом должно стать пристальное наблюдение над умением мыслить» [16. С. 47].

Но, если в рамках когнитивистских теоретико-методологических установок возможна наиболее полная интерпретация метафоры, то для интерпретации подмены метафоры на адиафору, на наш взгляд, лучше обратиться к когнитивной лингвистике, которая формирует представление об «экологическом мышлении», оперирующем гештальтами. Мы получаем некоторое противоречие, с одной стороны мы метафоричны и постоянно имеем потребность к творческому самовыражению через определенную рода коммуникативные формы, но, с другой стороны, нас преследует совершенно конкретный социальных страх, который выражается через комплекс «белой вороны». Происходит несколько видов коммуникативных нарушений: во-первых, нарушение совпадения с импульсами и частичного их торможения, необходимого в социуме; во-вторых, нарушение идентификации и систем связей, которые проявляются через дезорганизацию ориентиров идентификации и границ собственного «Я»; в-третьих, нарушение уверенности и структуры разделяемых представлений, сбой рабо-

ты смысловой сферы и интерпретации [17. С. 6–7]. Именно это заставляет нас подменять полноценный диалог – «косметическим» общением.

Получается явная фальсификация общения, когда мы не имеем ни цели, ни задач, ни проблемы – у нас есть немотивированная потребность общаться, потому что это принято, это необходимо, это модно. Любые метафоры внутри данного коммуникативного поля – это всего лишь дежурный набор слов, который необходимо сказать для уточнения своего места в той или иной социальной нише. Позиция метафоры заменена на адиафору, при попустительстве аудиторного большинства.

Принципиально иным способом интерпретируется и взаимоотношение мышления с языком. Язык рассматривается не как автономная система, а как способность, обусловленная общими когнитивными механизмами, как открытая система, свойства которой определяются общими процессами концептуализации, связанными с различными областями человеческого опыта; утверждается взаимозависимость, взаимовлияние разных уровней в процессе анализа человеком языковых сообщений. Метафора здесь становится ключом к пониманию основ мышления и процессов создания ментальных представлений о мире. Таким образом, метафора связана с логикой с одной стороны и мифологией – с другой.

Но что дает нам переход из республики метафор (а метафоры, пожалуй, самая демократичная часть языка) к диктатуре адиафор (тотальность, которых закрывает и убивает язык)? Общество превращается в аудиторию, живущую по программе, общение переходит в контакт (с лат. – заражение), педагогика – в клиентеллу (лат. – послушание), любовь – в консумацию (от лат. *consumo* – потребляю) и т. д. и т. п.

Интуитивное чувство сходства вроде бы похожих процессов, играет огромную роль в практическом мышлении, определяющем поведение человека, и оно не может не отразиться в речи. К примеру, и американец, и англичанин, спрашивая вас – «*How do you do?*» – реально не интересуются вашими делами. Или другой социально-антропологический пример, выражение – «*Make love*» – на русском не имеет высоких романтических интерпретаций. Если француз Пьер Рулен смотрит в зеркало и видит свое отражение, то он считает, что «*le miroir lui a renvoye l'image de Pierre Roulin*» (зеркало показало ему картину, изображающую Пьера Рулена). Или пример с оценочно-цветовой гаммой типа «*красные чернила*» – когда мы можем интерпретировать фразу как нонсенс (разве может быть черное красным, или красное черным?), или подойти с точки зрения более вероятного появления этого словосочетания (с точки зрения использования). Чернила – красящая жидкость для письма, т. е. существительное, которое обозначает вещество, которым пачкают белую бумагу (например, создают черновик статьи, а потом переписывают его набело) – противоречие исчезает.

В практике жизни образное мышление весьма существенно. Человек способен не только идентифицировать индивидуальные объекты (в частности, узнавать людей), не только устанавливать сходство между областями, воспринимаемыми разными органами чувств, и выразить его в речи (явление синестезии: холодный ветер и холодный взгляд), но также и улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом (человек идет, дождь идет, время идет, жизнь идет). Влияние такого мировосприятия на характеристики воспринимаемых и как-то осознаваемых нами ситуаций иллюстрирует пример, приводимый В.Н. Тростниковым: *«Разве Ньютон видел то же самое, что и другие, созерцая сложную картину окружающего мира, когда с дерева упало яблоко? Ведь он, вероятно, видел в этот момент не только яблоко, но и часть поверхности другого тела – огромной Земли, в то время как другие в аналогичных случаях видели лишь яблоко и траву под яблоней»* ([18. С. 88] – цит. по Г.А. Баллу [7. С. 98]).

Взаимосвязь личности и внешней по отношению к ней системы (среды) воздействий возникает только в процессе деятельности (творения мира вокруг себя). Являясь формой взаимосвязи субъекта с объектом, деятельность выступает как механизм детерминирующего воздействия на личность. *«Сами предметы, – писал А.Н. Леонтьев, – способны приобретать качества побуждений, целей, орудий только в системе человеческой деятельности; изъятые из связей этой системы, они утрачивают свое существование как побуждения, как цели, как орудия»* [13]. С этой позиции любой, даже неодушевленный предмет обретает свои чисто человеческие (личностно-значимые) качества. *«Помнит лодка причал, а весло – помнит воду реки. Помнит бумага перо, а перо – помнит тепло руки. Стены и двери помнят людей, каждого в свой срок. Помнит дорога ушедших по ней. Помнит выстрел курок»* [18]. У стола появляются свои ожидания, потому что любой предмет, попадая в поле человеческого, приобретает и человеческие качества (постулирующий метод К. Леви-Стросса [19]). Если же я откажусь от своей проекции – видеть в некоем наборе разнокалиберных деревяшек стол – я выключу его из реальности – т. е. действительности нет (концепт методики В.Е. Ключко [4]). Естественная наука, становясь все более и более гуманистичной говорит о необходимости аккуратного отношения к целостности, в то время, как гуманитарные сферы, получается, забыли о том, что греки не только называли человека – микрокосмосом, но и Космос – макантропом.

Аналогии, основанные на ключевой метафоре, вводит в свою систему автор теории фреймов (сценариев, в контексте которых изучаются предметные и событийные объекты) М. Минский [11]. Такие аналогии позволяют увидеть предмет или идею «с качествами» другого предмета или идеи, что позволяет применить знания и опыт, приобретенные

в одной области, для решения других проблем. Метафора, по Минскому, способствует образованию непредсказуемых межфреймовых связей, обладающих большой эвристической силой. Обратимся к некоторым аспектам эффективности метафор. П. Маранда в статье «Метаморфные метафоры» [20] анализирует некоторые из них. Во-первых, в метафорах содержатся прагматические программы, которые навязывают адресату некоторые изменения программы поведения. Он же отсылает нас к работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем»: Если мы правы, предполагая, что наша концептуальная система преимущественно метафорична, тогда наш образ мыслей, переживания и повседневные действия в высокой степени определяются метафорой [8. С. 115]. Во-вторых, «прагматика, в свою очередь порождает метафоры. Метафоры имеют дело с прагматическим программированием, поскольку – говоря метафорически – горнилом для метафоры является прагматика». И наоборот, метафоры имеют обратную связь с прагматикой, так как имплицитно действие.

В этих последних случаях, как указывает Н.Д. Арутюнова, человек не столько открывает сходство в пространственном и временном континууме, сколько создает его [20]. Метафоры возникают в любых видах дискурса, что связано, прежде всего, с особенностями сенсорных механизмов и их взаимодействием с психикой, позволяющим человеку сопоставлять, казалось бы, несопоставимые понятия. Развитие всегда начинается с творческого акта. В акте метафорического творчества участвуют всегда двое: создатель метафоры и его слушатель (партнер по общению). Но что будет происходить и что происходит, когда слушателем выступает аудитория, а создателем метафоры – лидер влияния?

Из тезиса о внедренности метафоры в мышление была выведена новая оценка ее познавательной функции, ее суггестивность, ее моделирующая роль: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем. По когнитивной функции метафоры делятся на ключевые (базисные) и побочные (второстепенные). Ключевые метафоры, определяющие способ мышления о мире (картину мира) или о его фундаментальной части («Что наша жизнь? Комедия страстей, а наши радости антракты в ней» – В. Шекспир [21]), ранее изучавшиеся преимущественно этнографами и культурологами, вошли в круг интересов специалистов по психологии мышления и методологии науки.

Однако XX в. явился по образному определению С. Московичи «веком толп» [22], а закончилось II тысячелетие как «царство аудиторий», состоящих из недифференцированного большинства атомизированных, отчужденных друг от друга индивидов с крайне низкими интеллектуальными и морально-нравственными показателями (постулат Р. Мертона [23]).

Аудитория всегда имеет средние когнитивные величины, влиять на такую массу не может ни интеллект (он непонятен большинству), ни эксперт (он слишком многого требует от организации общественного «тела»), только лидер-либерал (попуститель и популист), который подстраивается под большинство. Именно поэтому он и лидер. Что это значит? С появлением нового типа социального пространства появился новый лидер этого пространства — в его задачи не входят ни призывы к бунту и не борьба с революциями [24], а только степень потребления и кредитности аудитории (и в первую очередь к нему самому). «Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца. Поэтому, управляя, совершенномудрый делает сердца подданных пустыми, а желудки — полными. Его правление ослабляет волю и укрепляет кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющиеся знания не могли бы действовать» [25].

Так или иначе, метафоры используют в науке и обыденной жизни. Они отвечают способности человека улавливать и создавать сходство между, ка-

залось бы, несхожими индивидами и объектами. Однако если метафора знаменует собой начало мыслительного процесса, обращение к личному опыту каждого и всей системе знаний о мире в целом, то адиафора — наоборот, переводит мыслительный процесс в точку воспроизведения клише, личный опыт заменяет опытом популярного лицедея, с его системой потребностей и его картиной мира. На стыке новых и межэтнических и интернациональных связей в науке, мы столкнулись с тем, что именно метафора очень часто становится причиной коммуникативных барьеров внутри научной «диаспоры» (здесь, дословно с греч., как рассеянное проживание). Когда вместо консолидации идеологий, происходит оппозиционное противостояние методов и методологических принципов, часто приводящих к деградации как субъекта знания, так и самой науки. В итоге мы получаем вместо метафоры — адиафору. А это значит, что перед нами встает проблема качества человеческой деятельности в условиях ускользающей социальности и, в связи с этим отчуждением, наука должна не прятаться за метафоры, превращая знаки в игру словами, а задуматься над перспективами общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Непроходимый путь; от культуры полезности — к культуре достоинства // Вопросы психологии — 1990. — № 5 — С. 5–13.
2. Кабрин В.И. Ментальная структура и динамика коммуникативного мира личности: методология, методы, эмпирические исследования. — Томск: ЦПКЖК, 2002. — 88 с.
3. Кабрин В.И., Частокоренко Я.Б., Шабанов Л.В., Савин П.Н. Исследование и развитие определенных качеств толерантности в тренинговых группах с различной степенью директивности // Вестник Томского гос. ун-та. — 2005. — № 286. — С. 69–76.
4. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). — Томск: Томский гос. ун-т, 2005. — 174 с.
5. Лукьянов О.В. Прагматика психологического исследования // Вестник Томского гос. ун-та. — 2005. — № 286. — С. 20–33.
6. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. — М.: МГУ, 1986. — 49 с.
7. Тростников В.Н. Конструктивные процессы в математике (философский аспект). — М.: Прогресс, 1975. — 255 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сборник / Сост. Н.Д. Арутюнова. — М.: Изд-во ин-та «Открытое общество», 1990. — С. 44–80.
9. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. — М.: Наука, 1987. — 236 с.
10. Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. — 1989. — № 3. — С. 11–13.
11. Минский М. <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le7/le7-3251.htm>
12. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: Сборник / Сост. Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1990. — С. 44–68.
13. Леонтьев А.Н. Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. — 1966. — № 12. — С. 48–56.
14. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 288 с.
15. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. — М.: Наука, 1984. — 161 с.
16. Каэс Р. Теория психоанализа групп. — М.: АСТ-Сатрель, 2005. — 160 с.
17. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии — 1989. — № 1 — С. 92–101.
18. Макаревич А.В. Время // Реки и Мосты — М.: Мелодия, 1987, переиздан на CD sintez records, 1997. — SRCD 00055.
19. Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М.: Наука, 1983. — 162 с.
20. Современные социальные исследования. — СПб.: Сфинкс-АСТ-Дисс, 1999. — С. 189–197.
21. Шекспир В. Комедии, хроники, трагедии. Т. 2. — М.: Художественная литература, 1989. — 480 с.
22. Московичи С. Машина, делающая богов. — М.: Изд-во ИП РАН «КСП+», 1998. — 640 с.
23. Мертон Р. Социальная структура и аномия. — М.: Мысль, 1986. — С. 34–40.
24. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М.: Феникс, 1986. — 431 с.
25. Лао Цзы. Дао Дэ Цзын. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. — 362 с.

Поступила 05.02.2006 г.